

Имя Победы — Суворов

Целый год продолжался широко разрекламированный конкурс «Имя Победы» — масштабный проект Российского военно-исторического общества, ВГТРК и Министерства культуры РФ. Тысячи людей отдавали голоса за выдающихся русских военачальников. И на всех этапах голосования никто не мог оспорить преимущества Александра Васильевича Суворова. И это закономерно: *кто, если не Суворов?* Немало полководцев выдвинули две Отечественные войны: 1812—1814 и 1941—1945 годов. Но в 1812-м русские армии в бой вели почти сплошь ученики Суворова — Кутузов, Багратион, Милорадович, Платов, Ермолов, Дохтуров, Кульнев... К суворовской школе с гордостью причисляли себя и маршалы Великой Отечественной. Во всех рабочих кабинетах Верховного главнокомандующего в годы войны висели портреты Суворова. Не преувеличим, если предположим: каждый из выдающихся русских военачальников XIX—XX веков отдал бы пальму первенства батюшке Суворову. Он оставил им в наследство науку побеждать...

Суворов — первая шпага империи, полководец отважный, стремительный, негибачаемый. Таким он прочно остался в памяти народной. Присказки и поговорки Суворова расцвели на русском языке. «Ученье свет, неученье — тьма»; «Дело мастера боится»; «И крестьянин коли не умеет сохой владеть, хлеб не родится»; «За ученого трех неученых дают»; «Нам мало трех! Давай нам шесть! Нам мало шести, давай нам десять на одного! Всех побьем, повадим, в полон возьмем!»; «В последнюю кампанию неприятель потерял счетных семьдесят пять тысяч, только что не сто тысяч. Он искусно и отчаянно дрался, а мы и одной полной тысячи не потеряли. Вот, братцы, воинское обучение! Господа офицеры — какой восторг!» — это он, Александр Васильевич Суворов.

Не забылись и суворовские анекдоты, в которых воин предстает эксцентриком, чуть ли не юродивым. Но помним ли мы о политической прозорливости Суворова? Ведь он предсказал судьбу Наполеона, когда тот едва стал генералом Бонапартом. Предвидел столкновение с революционной

ЗАМОСТЬЯНОВ Арсений Александрович — обозреватель «Литературной газеты», главный редактор портала «Переправа».

Ключевые слова: Суворов, Имя Победы, Российская империя, XVIII век, русско-турецкие войны, Г. А. Потемкин, Ф. Ф. Ушаков, Екатерина Великая, Новороссия, битва при Кинбурне.

Францией — и поражения России после «пруссаческой» военной реформы Павла. Он составил подробный план уничтожения Османской империи и освобождения христианских народов. Он отстаивал права православных в Речи Посполитой, подавил польский мятеж, занял Варшаву, но был противником присоединения Польши к Российской империи, считал, что полезнее создать на западных рубежах империи дружественное славянское государство.

Имя Суворова до сих пор известно в России каждому. Прошло 214 лет со дня смерти полководца — а слава его не меркнет. Не каждый народ обретает таких героев! Да и постмодернистская волна подчас смывает представления об «отцах Отечества». Многие ли в современной Великобритании помнят лорда Нельсона? А в Италии — Гарибальди? Вроде бы это истинные национальные герои, олицетворившие все лучшее, что есть в англичанах и итальянцах. Но в XXI веке их слава как будто померкла. Герои массовой культуры (главным образом, выдуманные) оказались влиятельнее! На открытии Олимпийских игр в Лондоне мы увидели национального героя современной Великобритании — Джеймса Бонда. Герой коммерческих боевиков, которые в большей степени все-таки американские, чем британские. И он «побил» адмирала Нельсона...

Россия признает в нем первого среди равных героев. Первого среди тех, кто оставил нам в наследство необозримые земли, неисчислимы богатства... Россия — воинская держава по образу жизни, по судьбе. И роль исторического героя, олицетворяющего солдатскую доблесть и полководческую славу, здесь первостепенна.

Россия же в последние годы доказывает: нам все-таки необходимы герои истории, а не только бестселлеров. И Суворов интересует многих. Очень важно, чтобы дети узнавали наших гениев в лицо. Когда школьники перестанут узнавать Суворова, Пушкина, Ломоносова — жди беды. Портреты Суворова и се-

годня можно увидеть повсюду — и такие проекты, как «Имя Победы», в этом смысле благотворны. Россия признает в нем первого среди равных героев. Первого среди тех, кто оставил нам в наследство необозримые земли, неисчислимы богатства. Имперский размах не с неба на нас свалился и не в магазине куплен. Континентальную державу приходилось защищать беспрестанно. Россия — воинская держава по образу жизни, по судьбе. И роль исторического героя, олицетворяющего солдатскую доблесть и полководческую славу, здесь первостепенна.

А ведь Суворов для нашей истории — фигура нетипичная, уникальная. Главные войны Руси, России и Советского Союза были отражением агрес-

сии захватчиков с Востока и Запада. Вдумаемся: Александр Васильевич Суворов, служивший с оружием в руках полвека, ни разу не принимал участия в оборонительных войнах. Ни разу! Зато его наступательные операции обезопасили Россию от агрессивных соседей. Веками славянских рабов угоняли на крымские и ногайские рынки... Даже в середине XVIII века эта угроза оставалась трагической реальностью. А после Суворова об этом и вообразить нельзя...

Не просто отчаянный рубака, но идеолог империи, ее победной экспансии. Империя Петра Великого крепко вставала на ноги и не знала поражения стараниями Суворова и его чудо-богатырей, которые сложили о Суворове песню:

Нынче времечко военно,
От покоя удаленно,
Наша Кинбурнска коса
Открыла первы чудеса.

А еще до Кинбурна было бескровное присоединение Крыма — грандиозная операция, в которой Суворов был главным исполнителем стратегии Потемкина.

Крым

Трудно переоценить геополитическое значение суворовской деятельности в Крыму и на Кубани после войны, точнее — между войнами. «Подобной гавани не только у здешнего полуострова, но и на всем Черном море другой не найдется», — писал Суворов об Ахтиарской бухте за десять лет до основания Севастополя. Тогда, по инициативе Суворова, там были построены первые укрепления. В XVIII веке город назывался то Ахтиаром (Ахтиаром), то Севастополем. Есть все основания считать Суворова основателем этого удивительного крымского города.

Город — «гордость русских моряков» — на заре своего существования запомнил крепкую руку Суворова. Генерал-аншеф прибыл в Севастополь 8 февраля 1793 года. В те дни инженер Франц Деволан представил Суворову план строительства береговых укреплений и смету затрат. Граф Римникский с удовольствием утвердил этот план, превративший только что основанный Севастополь в укрепленную «цитадель Тавриды». Ведь эти бухты Суворов облюбовал еще в начале 1780-х! С Деволаном Суворов сперва не нашел общего языка — они бурно спорили. Однажды во время спора русский француз в отчаянии выпрыгнул в окно. Эта выходка понравилась Суворову, он выпрыгнул вслед за Францем Павловичем. После этого они подружились и сообща работали над строительством укреплений.

В ноябре именно Деволану Суворов продиктует свой план войны с Турцией — войны, которая должна была раз и навсегда покончить с опасным геополитическим соперником России, Османской империей; потому Суворов и называл этот план «окончанием вечной войны с турками». Над ним Суворов работал весь 1793 год. Планы покорения Константинополя, освобождения Греции и восстановления Восточной Римской империи во главе с Екатериной Великой были солью российского православного империализма последней четверти XVIII века. С такими планами носились многие «екатерининские орлы», но Суворову, который имел основания готовиться

к скорой войне с Портой, удалось создать проект, учитывающий реальное соотношение военных сил и боевую подготовку войск. Тем не менее проекты строительства укреплений в Севастополе и Кинбурне в последний момент не были утверждены. А ведь работы уже шли! Суворов подписал векселя, резонно рассчитывая на государственную казну, а императрица решила обождать со строительством, и правительство отнесло эти затраты на счет Суворова. Только к июлю императрица смилоствилась и написала директору Заемного банка П. В. Завадовскому: «Отпустите по получении сего 250 тысяч из банка графу Суворову-Рымникскому». С долгами удалось расплатиться, но бездействие в ожидании денег приводило Суворова в ярость. Это было в Севастополе через десять лет после присоединения Крыма.

В июле 1774-го, после первой екатерининской русско-турецкой войны, был подписан Кучук-Кайнарджийский мир, по которому Турция признала независимость Крыма. По договору, Россия получала возможность свободного плавания по Черному морю, которое снова начинало оправдывать древнее прозвание «Русское море». Россия приобретала важные приморские крепости — Азов, Керчь, Кинбурн, ставшие оплотами империи на южных рубежах. В пределы империи вошли долины Кубани и Терека, пространство между Бугом и Днестром. Султану пришлось выплатить и немалую контрибуцию.

Настало время дипломатических и военных действий в Крыму. И Суворов сыграл в этих событиях роль первостепенную. Нужно было усилить «русскую партию» в Крыму. Когда Девлет-Гирей с войском стоял в районе Карасу-Базара, именно Суворов продемонстрировал противнику свою силу, выслав туда небольшой кавалерийский отряд. Психологический ход возымел действие. Отряд Девлета рассеялся от одного вида русских всадников, а сам хан, ставленник Стамбула, бежал в Кафу (современная Феодосия). Из Тамани, вместе с русским отрядом генерала де Бальмена, в Еникале прибыл Шагин-Гирей — ставленник России. Мурзы, один за другим, переходили на его сторону. Суворов на берегу Булзыка объявляет Шагин-Гирея ханом, а затем очищает от враждебных сил крепость Кафу — последний вражеский бастион. На штурм крепости Суворов отрядил Рязский пехотный полк под командованием полковника А. Я. Шамшева. Авангард майора Ушакова занял крепость 20 марта: действовали ряжцы быстро, проворно, с полуслова понимая своего командира. А на следующий день к двум ротам Ушакова присоединились другие части Рязского полка. И снова Суворов обходится без кровопролития: войска Девлета, увидев передовые русские части, морем бежали в Турцию. Бежал и сам хан Девлет-Гирей. Шагин-Гирей занял Бахчисарайский дворец, верховный диван провозгласил его правителем.

23 марта 1778 года генерал-поручик Суворов назначен командующим Крымским корпусом. В то время он пользовался безграничным доверием Потемкина. Причерноморье нужно было оборонять от турок: и Потемкину требовался деятельный командующий, который объединил бы Крым и Кубань в единый оборонительный фронт. Строились крепости, ретраншементы, фельдшанцы. Обустраивались укрепленные казачьи почтовые станции. Воинские посты располагались в трех верстах один от другого. Казачья в Крыму было уже немало — несколько тысяч. Полуостров обрусевал. Следовало укреплять Кинбурн, защищавший Крым со стороны сильнейшей турецкой крепости — Очакова.

В Ахтиарской бухте стояла турецкая эскадра — 14 вымпелов, под командованием Гаджи-Мегмета-аги. На судах обосновался десантный отряд из 700 янычар. Они должны были поддерживать Селим-Гирея — очередного вождя «османской партии» в Крыму. Эскадра не ушла и после провала мятежа. Время от времени турки совершали дерзкие вылазки в Крым. Под Херсонесом был убит выстрелом в спину и ограблен донской казак. Суворов ответил на это строгим письмом Гаджи-Мегмету. Одними угрозами и ультиматумами он не ограничился. На берегах Ахтиарской бухты русские солдаты начали фортификационные работы. Теперь турецкой эскадре угрожали батареи. Гаджи-Мегмет поступил благоразумно: отплыл от крымских берегов и встал на якоря в трех верстах от гавани. Началась переписка Суворова с Гаджи-Мегметом, в которой турецкий капудан-паша отстаивал право османского флота причаливать к берегам Крыма. Суворов непреклонно указывал на самостоятельность крымского ханства, которое при Шагин-Гирее фактически попало под власть Петербурга. В итоге Суворов перекрыл источник пресной воды турецкой эскадры — устье Бельбека. Вооруженный русский отряд не пускал турок к источнику... Эскадра Гаджи-Мегмета бесславно ушла к турецким берегам, в Синоп.

Вскоре турецкий флот вернулся к берегам Крыма. Сотня кораблей встала на якоря в кафской бухте. В письме Суворову паши просили указать место, где можно было бы взять пресную воду. Суворов ответил резким отказом, воспользовавшись известием о чумной эпидемии в Турции. Александр Васильевич объявил в Крыму карантин — и не позволил ни одному турку сойти на берег, хотя у тех нашлось немало самых разнообразных предлогов. Помня о сильном турецком десанте, Суворов привел в боевой порядок укрепления. Русские войска демонстрировали туркам готовность дать отпор любой вылазке. И вторично турецкая армада отступила к Стамбулу.

Шагин-Гирей, избранный на безрыбье, не внушал русским дипломатам серьезного уважения. Было ясно, что это временный и зависимый союзник. Не раз презрительно отзывался о политических способностях хана Потемкин. Переселение христиан из Крыма в пределы российской империи было первым шагом России против Шагин-Гирея и на перспективу — аннексии Крыма. Эту операцию безупречно провел Суворов. Местные христиане — в основном греки и армяне — занимались в Крыму торговлей и ремеслами, принося в казну львиную долю доходов. Хан протестовал, но Суворов неумолимо выполнял волю Петербурга. Армян и греков переселяли в Приазовье. Греческое и армянское духовенство поддерживало эту операцию. Суворову помогали митрополит Игнатий и армянский архимандрит.

В знак протеста Шагин-Гирей со свитой покинул Бахчисарай. В переписке с Потемкиным Суворов уже предлагал заменить Шагин-Гирея на Казы-Гирея — его «закубанского» брата. Высказал Суворов и мысль, которая, наверняка, уже родилась и в сознании Потемкина: о целесообразности присоединения Крыма к России. «Бесчисленные полезности таковая перемена при Божием благословении принесет». Для такого решительного шага пришло время, когда Суворов уничтожил ногайские орды на Кубани, а Потемкин обеспечил верность военных и духовных лидеров Крыма. Для татарской знати открылись перспективы службы в могущественной империи. И в день восшествия на престол императрицы, 28 июня 1783 года Крым присягнул России. Потемкин подготовил невиданное торжество: татарская

знать присягала на скале Ак Кая, гремели салюты, повсюду было выставлено угощение... «вся область Крымская с охотой прибегла под державу Вашего императорского величества», — докладывал он Екатерине и не кривил душой.

А Суворов, тщательно подготовив ритуал, принимал присягу ногайцев в Ейском городке. Было устроено даже «великолепное празднество по вкусу сих народов». Солдат державы приказал своему воинству обращаться с новыми подданными империи «как с истинными братьями». По замыслу Суворова, после принятия присяги, особо преданные России ногайские чиновники вместе с русскими офицерами должны были отправиться в аулы, приводить к высочайшей присяге народные массы ногайцев. Зачитывались слова манифеста «О принятии полуострова Крымского, острова Тамана и всей стороны Кубанской под державу Российскую», подписанного Екатериной. Орлы империи исполнили свой долг. Крым стал российским без боя: Потемкину и Суворову удалось предусмотреть все политические последствия, предупредить все эксцессы. Даже Османская империя через несколько месяцев признает вхождение Крыма в состав Российской империи. Такой предусмотрительности современным дипломатам можно только пожелать... Мало кто умел столь эффективно воздействовать на противников, как Потемкин, умело пользовавшийся сетью разведчиков, которым платил щедро. Вот так и обретаются имперский размах...

Державин тогда написал белыми стихами:

Россия наложила руку
На Тавр, Кавказ и Херсонес,
И, распустя в Босфоре флаги,
Стамбулу флотами гремит:
«Не подвиги Готфридов храбрых,
И не крестовски древни рати —
Се мой теперь парит Орел!»
Магмет, от ужаса бледнея,
Заносит из Европы ногу,
И возрастает Константин!

Константин — это, конечно, великий князь Константин Павлович, которого любители символики прочили в императоры новой Восточной империи с центром в Константинополе.

Да, Крым стал российским без единого выстрела. Уникальная операция! Но не забудем, что ей предшествовали и кровопролитные сражения, и строительство оборонительных укреплений, и смелые маневры. Стратегия Потемкина и тактическое мастерство Суворова, его неукротимая энергия... Их труды нескольких лет обеспечили России статус великой черноморской державы на века. И Крым из гиблого места превратится в украшение Восточной Европы, в жемчужину Черноморья.

Первая схватка

Вторая екатерининская русско-турецкая война, главным героем которой довелось стать Суворову, началась в 1787 году, когда Суворов был назначен командующим Кинбурнского отряда в армии Потемкина.

Да, первые чудеса героизма русской армии в новой войне связаны с кинбурнской косой. Кампанию Суворов начал уже заслуженным генерал-аншефом, пользуясь доверием императрицы и князя Г. А. Потемкина. Тому не-

мало способствовали и успешные кременчугские учения. В августе 1787-го Потемкин поручает Суворову оборону Кинбурна и Херсона — именно на этом участке ожидалось наступление турок. Суворов находился в этих краях с начала лета, дотошно руководил строительством укреплений, отчитываясь перед князем Таврическим.

Кинбурн — кое-как оборудованная крепость на косе, заложенная еще в XV веке, располагалась напротив куда лучше укрепленного Очакова. В одном из писем Потемкину Екатерина выразила надежду, что Александр Васильевич «возьмет у них Очаков», но блистательный князь Тавриды роль покорителя Очакова отводил собственной светлости... «Кылбурун» по-татарски означает «тонкий, как волос, мыс». Полуостров — это коса шириной в 8—10 километров, которая на 40 километров врезается в Черное море. Кинбурн упоминает в своей «Истории» Геродот. Археологами уже в XX веке здесь было открыто поселение древних викингов. Да, воинственные выходцы из далекой Скандинавии устроили укрепленный пункт на Днепро-Бугском лимане, на месте пересечения путей с Юга на Север.

В военной истории XVIII века Кинбурн упоминается не раз, но главные события связаны именно с Суворовым и с кампанией 1787 года. Стратегическая привлекательность укрепленной косы очевидна: здесь возможно эффективное взаимодействие пехоты, артиллерии и флота. Кинбурн служил базой русских войск, осаждавших Очаков, и прикрывал Херсон, защищая военно-морскую базу, прикрывал вход в обжитый русскими Днепровско-Бугский лиман. Овладев Кинбурном, турки получили бы ключ к Крыму, недавно присоединенному к Российской империи. Суворов контролировал оборонительную линию Кинбурн — Херсон с верфями и редутами, расположенными от Кинбурна к Херсону, — Покровским, Марьинским, Константиновским, Александровским, а также усовершенствованным Збруевским ретраншементом. На южном берегу Кинбурнской косы использовались еще три редута. Немалое военное хозяйство, поступившее в ведение Суворова, в кампании 1787 года играло центральную роль.

Турецкий флот в составе 3 линейных кораблей, 4 фрегатов, 4 бомбардирских судов (плавучих батарей), 14 канонерских лодок в течение сентября 1787 года тревожил русские позиции в Кинбурне. 20 августа турки обстреляли два русских корабля, несших вахту у Кинбурна, — фрегат «Скорый» и бот «Битюг». Русские корабли обратили в бегство атаковавших турок, о чем Суворов и доложил Потемкину, отличив капитан-лейтенанта А. А. Оболянинова. Поняв, что основной удар турок будет направлен на Кинбурн, Суворов устроил свою ставку в этой крепости, а командование войсками, расположенными на берегу лимана от Херсона до устья Южного Буга, возложил на своего надежного помощника — генерал-майора И. П. Дунина-Барковского.

13 сентября турки отважились с моря напасть на крепость: 5 кораблей, заняв удобную позицию, обрушили на русские укрепления артиллерийский огонь. Суворов был готов к такому повороту событий и ответил прицельным пушечным огнем с батарей. 54-пушечный линейный турецкий корабль потонул, на его борту было 500 человек. Тяжелые повреждения получили и другие неприятельские корабли. Они отступили с серьезными потерями. Были потери и у русских: 5 человек убитыми, 10 — ранеными.

Самый крупный десант первых двух месяцев суворовского стояния в Кинбурне, 700 человек, был высажен 14 сентября. Они высаживались у урочища Биенки, где их встретил пальбой пост донских казаков. Без промедления на место сражения прибыли войска генерал-майора И. Г. Река, которому Суворов поручил оборону косы. Многих турок изрубили, других отеснили с мыса. Потемкину Суворов докладывал: «Чрез полчаса турки были отбиты, при большом их крике, от берега с уроном». Суворов понимал, что этот десант — своего рода разведка боем, репетиция более многочисленного десанта, к которому должен был прибегнуть противник. Турки намеревались, высадившись на косе, закрепиться там, отбив атаки русских, и начать наступление на Кинбурнскую крепость.

Суворов не в первый и не в последний раз совершенствовал укрепления Кинбурна — Потемкин еще до сражения докладывал императрице о стараниях Суворова в крепости. «Усердие Александра Васильевича Суворова, которое ты так живо описываешь, меня весьма обрадовало. Ты знаешь, что ничем так на меня не можно угодить, как отдавая справедливость трудам...», — писала Екатерина Потемкину. Суворов выделял мичмана Ломбарда, который на галере «Десна» неожиданно и успешно атаковал турецкие суда. Еще недавно, во время путешествия императрицы по югу России, галера «Десна» в плавании по Днепру принимала высочайшую путешественницу. А теперь храбрец Ломбард, страстно желавший отличиться подвигом (в том числе и персонально перед Суворовым), легкими штрихами придал галере вид брандера — и стремительно пошел в атаку. Османы панически боялись брандеров — специальных судов, предназначенных для поджигания кораблей. На турок нашло затмение — и они приняли «Десну» за брандер, перепугались и два с половиной часа в бою не могли сопротивляться выходкам Ломбарда. В очередной раз сработало суворовское правило: «Кто испуган, тот побежден наполовину. У страха глаза велики, один за десятерых покажется».

Доселе турки хозяйничали на море возле Кинбурна — и Суворова это обстоятельство озадачивало: «В сих водах турецких линейных кораблей превосходное число против остающей части. Прославил бы себя Севастопольский флот! О нем слуху нет...» Поэтому и был так важен подвиг Ломбарда, который с командой из 120 человек при 17 орудиях успешно атаковал турецкий флот. Суворов писал об этом бое Потемкину: «Шевалье Ломбард атаковал весь турецкий флот до линейных кораблей; бился со всеми судами из пушек и ружей... И, по учинении варварскому флоту знатного вреда, сей герой стоит ныне благополучно под кинбурнскими стенами». Никто из русских гренадер, бывших на «Десне», не был даже ранен, только командир Ломбард, как орденом, бравировал слегка покалеченным ухом. Командующий всей Лиманской флотилией адмирал Мордвинов прикажет отдать Ломбарда под суд за самовольство и нарушение дисциплины. Суворов возьмет храбреца под защиту, по реляциям Суворова полюбит Ломбарда и Потемкин. Мичман будет награжден за яркий подвиг, вошедший в историю русского флота. А Севастопольскому флоту, к глубокому разочарованию Суворова, прибыть к Кинбурнской косе помешал жестокий шторм.

Этот самый Джулиано де Ломбард (1762—1791) оказался одним из самых выдающихся смельчаков, которых доводилось встречать Суворову за полвека службы. Он бросался на турок очертя голову, с неукротимым аван-

тюризмом. Суворов полюбил отчаянного мальтийца, однако подчас одергивал его, боясь необдуманных авантюр. Практически в одиночку, на свой страх и риск, Ломбард устраивал набеги на осажденный Очаков, бомбардируя турецкие позиции без приказа командующего. Турки будут предлагать за его голову немало золота. 5 октября 1787 года Ломбард попадет в турецкий плен. Батарея капитана 2-го ранга А. Е. Веревкина, смело пронесшись, как писал Суворов, «сквозь оба турецкие флота с пальбою... ушла из виду». Батарею выбросило на мель у Гаджибея, где их и окружают турки. Мальтийца заточат в Семибашенный замок в турецкой столице. Когда речь шла о его репутации, безрассудный рубака Ломбард умел быть хитрым и расчетливым: ему удавалось даже из плена писать письма Потемкину, в которых его, Ломбарда, подвиги превозносились, а вина за гаджибейскую катастрофу без тени смущения сваливалась на капитана Веревкина...

Суворов будет часто вспоминать о нем, специально прибережет выхлопотанную высокую награду (Георгия 4-й степени) для «лейтенанта Ломбарда, что в полону», обрадуется вестям, что «мальчик Ломбард жив», будет следить за его злоключениями в плену, за попытками бежать. В 1790-м Ломбард, получив несколько ран, убежит из плена (скорее всего предприимчивый и знаменитый волонтер был выкуплен). Из Константинополя раненый моряк пробирается в Херсон, оказывается в ставке Потемкина, получает по давнему уже представлению Суворова чин капитан-лейтенанта. Под стенами Измаила он, на скорую руку залечив раны, будет снова сражаться в армии Суворова, в составе все той же Лиманской (Дунайской) флотилии под началом де Рибаса. А в конце войны все-таки погибнет. Истинно армейская судьба волонтера — соратника Суворова. Такие судьбы запоминаются, и в царской России и много лет спустя после Кинбурна именем лейтенанта Ломбарда называли суда. Но вернемся на Кинбурнскую косу.

Наконец турки решились на штурм, на капитальную вылазку. Юс-паша досконально знал Кинбурн и его окрестности. 1 октября, на рассвете, он с 5-тысячным войском высадился на лимане. В то утро Юс-паша был настроен решительно, не без фанатизма: победить или умереть. Перед штурмом он приказал отплыть перевозным судам, отрезав своим войскам пути для отступления, убив саму надежду на благополучное бегство с поля боя. Наступление началось с высадки десанта в 12 верстах от Кинбурнской крепости.

Как нам уже известно, весть о приближении многочисленного турецкого десанта застала Суворова в храме, на молебствии. Казак доложил о высадке многочисленного десанта. Суворов приказал не атаковать их, чтобы все благополучно высадись. Турки копали ложементы — аж 15 линий окопов на пути к крепости располагались вблизи от цитадели, а русская артиллерия молчала. Не было ни пехотных вылазок, ни кавалерийских контратак. Суворов приказал начать бой, только когда неприятель подойдет на 200 шагов к крепости. Генерал-аншеф вознамерился уничтожить десант, дабы в один день предупредить позднейшие попытки турок овладеть Кинбурном. Обыкновенная суворовская стратегия, рискованная и действенная. Все было рассчитано психологически: невозмутимость генерала передалась офицерам. В солдатской песне о Кинбурне сказано:

А Суворов-генерал тогда не спал, не дремал...

Суворов приготовил свои войска к сражению: в первой линии — Орловские и Шлиссельбургские полки. Во вторую — Козловский пехотный полк и два эскадрона Павлоградского и Мариупольского легкоконных полков. Три казачьих полка (полковника Орлова, подполковника Исаева, премьер-майора Сычева) Суворов расположил на флангах. В 36 верстах от Кинбурна, в Александровском редуте располагался Санкт-Петербургский драгунский полк генерал-майора Исленьева. Несколько ближе, в 10 верстах, располагались основные силы Мариупольского и Павлоградского полков. Суворов приказал им спешить к Кинбурну, в сражении они должны были сыграть роль резерва, который с марша может броситься в бой. В крепости Суворов оставил четыре роты из полков, шедших в бой.

Наконец, в 15 часов заговорила русская артиллерия. Орловцы и шлиссельбуржцы резво пошли в атаку на турецкие окопы, не смущаясь встречным беспорядочным артиллерийским огнем. Сам генерал-аншеф бился в первых рядах Шлиссельбургского полка. Для усиления атаки Суворов бросил в дело Козловский пехотный полк подполковника Ираклия Моркова. Турки начали бомбардировать наступающие русские полки с судов. К этому времени, не выдержав атаки шлиссельбуржцев, орловцев и козловцев, турки оставляли ложемент за ложементом. Десять линий окопов находились уже в руках Суворова. Огонь морской артиллерии приостановил наступление. И снова против них удачно действует галера «Десна» под командованием предприимчивого Джулиано де Ломбарда и артиллерия Крупенникова. Им удалось потопить две турецкие шебеки. Турки усилились новым десантом и на некоторое время потеснили русскую атаку. Суворов был ранен картечью, но с поля боя не удалился. Нужно было перестроить войска, смешавшиеся в бою. Суворов приказал усилить наступление двумя свежими ротами шлиссельбуржцев, доселе остававшимися в крепости. Наконец подоспели и легкоконные полки — Павлоградский и Мариупольский. Им суждено было броситься в бой сразу после десяти пройденных на полном скаку верст.

Располагал Суворов, как мы знаем, и тремя казачьими полками, которыми со времен службы на Кубани генерал-аншеф умел управлять лучше всех иных неказачьих генералов. И никто из генералов екатерининского времени не ценил казаков так, как Суворов, поставивший во главу угла военного искусства быстроту и натиск. В казачьем окружении он чувствовал себя как рыба в воде, и донцы относились к Суворову «по-свойски». А ведь руководить вольнолюбивыми казачками было непросто!

В Кинбурне Суворов проявил мастерство своевременной кавалерийской атаки при обороне позиций. Помогли казаки. Полковник атаман Иловайский, в тот день перенявший от Суворова яростный боевой дух, стал одним из подлинных героев сражения. Получив два казачьих полка и два неполных эскадрона легкой конницы, он объехал крепость слева по берегу и лавой, со свистом обрушился на турок, шедших на приступ. В той сече был убит Юс-паша, выполнивший свою клятву: он не победил, но с честью погиб. Суворов с уважением отнесся к этому противнику, отмечая доблестную ярость и храбрость турецкого десанта. Пасть в атаке на поле боя — достойный конец для боевого генерала. Вот перед нами откровенное письмо Суворова В. С. Попову от 7 октября: «Посмотри, голубчик, нашу адскую баталию на плане! Непонятно человеческим силам, как к тому приступить можно было! А от варваров какая прекрасная операция и какое прекрасное войско!.. А не

начать, то бы нас всех здесь турки перерезали». А Потемкину Суворов прямо написал: «...какие ж молодцы, светлейший князь, с такими я еще не дрался». Суворов уважал тех, кому удалось дважды ранить его на косе, кто бесстрашно «летит на холодное оружие».

После гибели предводителя турки ослабили давление, но полной паники добиться не удалось: судьба сражения не была еще решена. Турок поддерживала корабельная артиллерия. Одновременно с атакой Иловайского из крепости сделал вылазку Орловский пехотный полк, предводимый генерал-майором Реком. Реку удалось рассеять ряды турок, но самого генерала ранили в ногу. Ротмистр Шуханов с гусарами «вел свои атаки по кучам неприятельских трупов. Все орудия у них отбил» — так писал в рапорте Потемкину Суворов. Подоспел на поле боя Санкт-Петербургский драгунский полк, мощной атакой добивавший отступавшего врага. Привел этот полк генерал-майор Петр Алексеевич Исленьев, один из любимых соратников Суворова. Вечером, во время решающей атаки русских сил, когда турки были выбиты из всех окопных линий, Суворов получает второе ранение — в левое плечо. По воспоминаниям генерал-майора Энгельгарда, «он потерял много крови, и не было лекаря перевязать рану. Казачий старшина Кутейников привел его к морю, вымыл рану морской водою и, сняв свой платок с шеи, перевязал ему рану. Суворов сел на коня и опять возвратился командовать».

Турок сбросили в море ближе к полуночи.

Из 5 тысяч турецких «отборных морских солдат» спастись удалось немногим — они стояли по плечи в воде, ожидая спасительных шлюпок. Потери российской армии были куда ниже: 138 человек убитыми и 300 ранеными. 15 знамен отбил Суворов у противника.

Под Суворовым убили лошадь, он увидел солдат, державших под уздцы коней. В пылу сражения Суворов принял их за русских, приказал подать ему коня. Услышав русскую речь, турки бросились на генерала. Гренадер Степан Новиков грудью встал на защиту «батюшки Суворова». Двоих убил, остальных обратил в бегство. Суворов заметил, что сзади Новикову угрожает турецкая сабля, крикнул, гренадер повернулся, отбил.

После победы Суворов писал Потемкину: «Позвольте, светлейший князь, донести, что и в низшем звании бывает герой. Неприятельское корабельное войско, какого я лутше у них не видал, преследовало наших с полным духом; я бился в передних рядах. Шлиссельбургского полку гренадер Степан Новиков, на которого уже сабля взнесена была в близости моей, обратился на своего противника, умертвил его штыком, другого за ним, следующего застрелил и бросясь на третьего, — они побежали назад. Следуя храброму примеру Новикова, часть наших погналась за неприятелем на штыках, особливо военными увещеваниями остановил задние ряды сержант Рыльников, который потом убит. Наш фронт баталии паки справился; мы вступили в сражение и выгнали неприятеля из нескольких ложементов. Сие было около 6 часов пополудни».

Суворов всегда писал аллегорично. «И в низшем звании бывает герой» — кому как не Суворову и Потемкину знать о мужестве русского солдата? С горькой иронией Суворов намекает на снобизм многих аристократов того времени, которые надменно относились к «мужикам», к своей Родине, да и в храме Божьем бывали нечасто. Потемкин с полуслова понял Суворова и наградил Новикова как героя.

В первом, кратком рапорте Потемкину Суворов пишет: «Турки на Кинбурнской косе, приблизясь от крепости на версту. Мы им дали баталию! Она была кровопролитна... действие началось в 3 часа пополудни и продолжалось почти до полуночи беспрестанно, доколе мы их потоптали за их эстакад на черте косы самого мыса в воду и потом возвратились к Кинбурну с полною победою... Подробнее Вашей светлости я впредь донесу, а теперь я нечто слаб».

Награды на этот раз оказались щедрыми: пожилой генерал, дважды раненый, но не ушедший с поля боя и приведший войска к победе, вызывал всеобщее восхищение. Светлейший князь Таврический за победу, закрывшую туркам путь в Тавриду, позволил Суворову «вручить, по Вашему рассмотрению, нижним чинам, отличившимся храбростию, препровождаемые здесь девятнадцать медалей с лентами и доставить ко мне для сведения именной список сих храбрых людей. Сверх же иных одною украшен уже солдат Нивиков (Новиков. — А.З.), здесь находящийся». Гренадер Степан Новиков, спасший жизнь Суворову, по-видимому, находился в то время уже в Екатеринославе, и Потемкин, по настойчивому ходатайству Суворова, смог лично его наградить. Развивались петровские традиции русской армии. За Кинбурн, стараниями Суворова, было награждено немало нижних чинов.

О ходе битвы генерал-аншеф Суворов подробно рассказал в главной реляции Потемкину: «При битве холодным оружием пехота наша отступила в крепость, из оной мне прислано было две свежие Шлиссельбургские роты, прибыли: легкий баталион, одна Орловская рота и легкоконная бригада. Орлова полку казак Ефим Турченков, видя турками отвозимую нашу пушку, при ней одного из них сколол и с последующим за ним казаком Нестером Рекуновым скололи четырех. Казаки сломили варваров. Солнце было низко! Я обновил третей раз сражение». Эти строки Суворов писал, преодолевая боль, раненый. Именно в Кылбуруне (так называли крепость турки) чудобогатыри, восхитившие Суворова, стали ему настоящими братьями по оружию, с которыми он совершит чудеса на берегах Рымника и на стенах Измаила...

Ничуть не менее важным адресатом генерал-аншефа была в те дни Наташа Суворова, Суворочка. Для нее он сочинял письма сказочные, захватывающие: «Ты меня порадовала письмом от 9 Ноября; больше порадуешь, как на тебя наденут белое платье; и того больше, как будем жить вместе. Будь благочестива, благонравна, почитай свою матушку Софью Ивановну; или она тебе выдерет уши, да посадит за сухарик с водицею. Желая тебе благополучно препроводить Святки; Христос Спаситель тебя соблюди новой и многие годы! Я твоего прежнего письма не читал за недосугом; отослал к сестре Анне Васильевне. У нас были драки сильные, нежели вы деретесь за волосы; а как в правду потанцевали, в боку пушечная картечь, в левой руке от пули дырочка, да подо мною лошади мордочку отстрелили: насилу часов чрез восемь отпустили в театр в камеру. Я теперь только что возвратился; выездил близь пятисот верст верхом в шесть дней и не ночью. Нам же весело на Черном море, на Лимане! Везде поют лебеди, ушки, кулики; по полям жаворонки, синички, лисички, а в воде стерляди, осетры: пропасть! Прости, мой друг Наташа, я чаю, ты знаешь, что мне моя матушка Государыня пожаловала Андреевскую ленту за веру и верность». «Смерть моя — для Отечества, жизнь моя — для Наташи» — это не пустые слова.

В те дни все любили Суворова — и он, кажется, любил всех. В просторном письме Екатерине Потемкин хлопотал о награждении Суворова, описывая впечатляющую битву в красках: «На тесноте сперлось множество конницы и пехоты, и, смешавшись с неприятелем, сделали кучу, которую было уже трудно в строй привести. Он своим постоянным присутствием в первых всегда рядах удержал людей на месте. Солдаты сами повторяли бегущим: “Куда вы? Генерал впереди!”» Талантливейший администратор и реформатор армии, Потемкин смог по достоинству оценить Суворова после кинбурнской победы: «Кто, матушка, может иметь такую львиную храбрость? Генерал-аншеф, получивший все отличности, какие заслужить можно, на шестидесятом году служит с такой горячностью, как двадцатипятилетний...»¹ Императрица ответит благосклонно: «Победа совершенная, но жаль, что старика ранили». Через Потемкина Екатерина послала Суворову и собственноручно написанный весьма лестный рескрипт. Особенно брали за душу слова монархини: «Чувствительны нам раны ваши». Старый солдат до слез был растроган.

Благодаря эмоциональному представлению Потемкина императрица «решилась к нему послать за веру и верность Св. Андрея» — высший орден империи, не считаясь со «старшинством» генерал-аншефов Долгорукого, Каменского и Миллера. Суворов благодарил Потемкина в самых цветастых выражениях: «Цалую ваше письмо и руки, жертвую вам жизнью моею и до конца дней». Да и сам князь Таврический в те дни в переписке с Суворовым даже превысил меру галантного века, выражая свою благодарность: «Не нахожу слов изъяснить, сколь я чувствую и почитаю вашу важную службу; я так молю Бога о твоём здоровье, что желаю за тебя сам лучше терпеть, нежели бы ты занемог».

После сражения ранним утром русские офицеры заметили возле мыса Кинбурнской косы построены в линию турецкие суда. Туда на шлюпках турки перевозили своих «живых и мертвых». Суворов пишет Потемкину: «Мы их поздравили рикошетами с 6-й и 7-й нижних батарей». На мыс Суворов послал казаков донского полковника Исаева, которые еще раз показали туркам, что держат косу под контролем.

До весны 1788 года Суворов жил-поживал в Кинбурне. Несколько раз на своем донском коне объезжал укрепления. Такие поездки занимали по шесть дней. Следил за подготовкой к зимним холодам («Казаки своих лошадей берегут и есть у них сено на морозы») и новым боевым действиям.

В декабре, в Кинбурне, Суворов пишет руководство для командиров частей, которое начал с указания на существенный недостаток, все еще присутствующий некоторым армейским частям: «В сражении регулярным войскам крик весьма неприличен и варвары того не чинят; он знак не храбрости, но больше робости, происходящей от недовольного в экзерцировании солдат и от того ненадежность их на самих себя. Хотя в свете храбрее россиянина нигде нет, крик только опасен, что он один приносит военную расстройку, лишают послушания и уже не внемлют команды. Господам начальствующим в регулярных войсках солдатам крик крайне воспретить и толковать о вреде от оногo во всех маневрах и эволюциях». Иное дело — слаженное молодецкое «ура!» или излюбленная Суворовым барабанная дробь. Эти инструменты

¹ Екатерина Вторая и Г. А. Потемкин. Личная переписка (1769–1791). М.: Наука, 1997. С. 246–247. (Литературные памятники).

повышают боевой дух, сплачивают войско, а от беспорядочного разнобойного крика приходилось избавляться. Говорит Суворов и о конных стрелках, которых должно быть в каждом капральстве по четыре и в каждой казачьей сотне по десятку. Говорит и о вредной привычке «немилосердно убивать» сдавшихся турок, просящих «аман». Это нарушение воинской этики приводит в ярость «басурман» и наносит вред Российской армии.

В июне, предвзяв наступление турецких морских сил, Суворов приказывает выстроить на Кинбурнской косе две батареи. Их устроили в четырех верстах от крепости, на самом мысу. И 17 июня батареи вступили в дело. Турецкая эскадра Гассана-паши возвращалась после неудачного для османов сражения с русской гребной флотилией (ею командовал уважаемый Суворовым принц Нассау-Зиген) на лимане. Гассан потерял тогда свой флагманский корабль, но сам спасся на шлюпке. Итак, Гассан выходил из лимана — и в 22 часа его эскадра попала под интенсивный огонь суворовских батарей. Семь кораблей поразили русские орудия! Командовал артиллерией форта майор Дмитрий Крупенников — умелый и решительный суворовский офицер, ставший из капитанов майором за отличия в кинбурнском сражении. Поход Гассана окончился тяжелым поражением при минимальных потерях с русской стороны. Ликовавший князь Потемкин надеялся, что турки, обескураженные пальбой суворовских батарей и ловкостью гребного флота, сдадут Очаков. Эти надежды оказались преждевременными.

Артиллерия Крупенникова позже преградит путь Гассану, когда тот решит вернуться в лиман на выручку турецким судам, которые были атакованы русскими гребными судами. Суворов, находясь в Кинбурне, внимательно следил, насколько это было возможно, за действиями русского и турецкого флотов, понимая важность морских батальи для судьбы Очакова. В эти дни сделал ставку на морские силы и Потемкин.

Из командиров лиманской эскадры мы уже упомянули контр-адмирала Карла Нассау-Зигена (1745—1808). Этот представитель владетельного дома германского княжества Нассау долгое время пребывал на французской службе, а в Россию был привлечен Потемкиным аккурат в 1788 году. Потемкин писал Суворову о Нассаусском: «В крайней прошу содержать тайне: гребными судами будет командовать князь Нассау под вашим начальством. Он с превеликою охотою идет под вашу команду». С Нассау Суворов советовался, разрабатывая план штурма Очакова: русского генерала интересовал опыт осады Гибралтара, в которой Нассауский участвовал. Нассауский стал ярим приверженцем суворовской идеи быстрого штурма крепости. План штурма Очакова, в котором гребной и парусный флот должен был действовать пехоте и кавалерии, Суворов представил Потемкину, но реализовать эту задумку, увы, не удалось. Привлек Потемкин в лиманскую эскадру и еще одного выдающегося деятеля — Джона Поль Джонса (1747—1792). Шотландец, долгое время живший в США, он прославился в годы Войны за независимость (1775—1783), храбро нападая на английский флот. Позже он жил в Париже, заслужив флотоводческим искусством высокую оценку генерала Бонапарта. Джонс восхищался Суворовым, который приятно удивил его своей осведомленностью о «республиканской войне, хотя о ней очень мало печатали в Европе». Суворова он считал первым полководцем не только России, но и всей Европы. В свою очередь Суворов уважал в Джонсе

смелого командира-новатора, о котором был наслышан еще до временного поступления шотландца на русскую службу.

Всей же лиманской флотилией командовал руководивший Черноморским адмиралтейским правлением контр-адмирал Н. С. Мордвинов. Мордвинова Суворов не жаловал, считал его рутинером и армейским бюрократам, нерешительным в сражении. Возглавляемое Мордвиновым правление Суворов насмешливо называет «Херсонской академией». Скоро в его нерешительности убедится и Потемкин — Мордвинов будет отправлен в отставку. Нелюбимый Суворовым Мордвинов всю жизнь будет активным недоброжелателем Ф. Ф. Ушакова.

18 июня Г. А. Потемкин, находившийся в постоянной переписке с императрицей, приступил к непосредственной осаде Очакова, подтянув к крепости лучшие силы своей армии. В тот же день из Севастополя вышла в поход русская эскадра адмирала М. И. Войновича. Эскадра состояла из двух линейных кораблей, двух 50-пушечных, восьми 40-пушечных, одного 18-пушечного фрегатов, 20 более мелких парусных кораблей и двух брандеров. Потемкин поставил перед Войновичем задачу перекрыть Гассану возможности для оказания помощи гарнизону осажденного Очакова. Кроме того, следовало не допускать движения турецкой эскадры к берегам Крыма.

Сильные ветра не позволили достичь берегов Очакова — Кинбурна в сжатые сроки. Только 29 июня эскадра Войновича подошла к острову Тендре. Там-то русские и заметили сильную турецкую эскадру: 15 линейных кораблей, 8 фрегатов, 3 бомбардирских корабля и более 20 мелких парусников. Утром 30 июня Войнович начал сближение с турецкой эскадрой, не решаясь, впрочем, на стремительное нападение. Русская эскадра приготовилась к бою, ожидая нападения турок. На расстоянии 3,5 километра от русской линии в боевую линию выстроилась и турецкая эскадра. Штиль помешал противникам начать атаку. После часа дня ветер усилился, русские пошли на сближение. Тогда турки, чьи корабли были быстроходнее, ушли к румелийским берегам, избегая боя. Войнович преследовал их, пытаясь занять наветренное положение.

Следующая встреча эскадр произошла 3 июня возле острова Фидониси (Змеиный). Турецкая эскадра сохраняла выгодное наветренное положение. Русская эскадра выстроилась контргалсом по отношению к противнику. Шесть часов эскадры выжидали. В два часа дня турки, пользуясь благоприятным направлением ветра, стали наступать двумя колоннами. Первая, под командованием Гассана, атаковала русский авангард, предводимый бригадиром Ушаковым. Вторая колонна угрожала корде-баталии и арьергарду. По замыслу Гассана, эти корабли должны были отрезать авангард от русской эскадры. Расстановка сил говорила о том, что авангард Ушакова будет уничтожен.

Ушаков располагал двумя линейными кораблями и двумя 50-пушечными фрегатами; против каждого русского корабля Гассан выставил пять турецких. Корабли Ушакова вели огонь метко и быстро, что позволило отбить первоначальную атаку Гассана. Турки попытались отрезать и окружить два фрегата русского авангарда — «Борислав» и «Стрелу», но Ушаков, действуя расторопно и хладнокровно, не позволил этого. Прочувствовав момент, когда можно было действовать с суворовским натиском, он на флагманском корабле «Святой Павел» пошел в контратаку, нарушая правила господство-

вавшей линейной тактики, по которой флагманский корабль должен был находиться в центре своей линии. Ушаков ринулся вперед, показывая другим кораблям пример смелой атакующей тактики. В ближнем бою Ушаков повредил и заставил отступить флагманский корабль Гассана «Капудания». Другие корабли ушаковского авангарда поддержали атаку флагмана лавинным огнем, окончательно расстроив построение турецкой эскадры.

В 5 часов вечера турецкая эскадра с большими потерями оставила место сражения. Потери Ушакова были минимальны — пятеро убитых, двое раненых. Перестрелка второй турецкой колонны с остальными силами Войновича велась с солидного расстояния и носила вялый характер. Войнович не поддержал атаки Ушакова и не помог своему авангарду в преследовании панически отступающего противника. Так начиналась слава Ушакова, который завоевывал репутацию *морского Суворова*. И Потемкин, и Суворов высоко оценили подвиг авангарда русской эскадры. Бригадир Ушаков вскоре по представлению Потемкина был произведен в контр-адмиралы.

У сражения при Фидониси был и эпилог: 5 июля турецкий флот вышел к Ак-Мечети, где был встречен русскими судами, принудившими турок к отступлению сначала к Херсонскому мысу, а с 6 июля — к румелийским берегам. Теперь турецкий флот не представлял угрозы для Екатеринославской армии Потемкина, осаждавшей Очаков и контролировавшей Кинбурн. Суворов был убежден, что пришло время для штурма. Можно предположить, что после кинбурнской победы, осыпанный наградами и прочей царской милостью, когда казалось, что до фельдмаршальского жезла рукой подать, Суворов переоценил свое влияние на Потемкина. После Кинбурна можно было поверить, что великий администратор Потемкин считает Суворова, говоря условно, своим военным министром, который вправе навязывать собственную тактику. А Потемкин — человек с немалым боевым опытом и сложившимися взглядами на стратегию и тактику войны. Личность амбициозная, он не выносил давления от подчиненных. И, возвышая до небес кого-либо из генералов после знаменательных побед, умел держать их на почтительной дистанции, зная свою цену второго человека в государстве.

Имя Победы

Века прошли с тех сражений, но имя Суворова остается незабвенным — и это нужно осмысливать. Значит, в России востребован образ именно такого героя: бесстрашного, бескорыстного, не чуждого народному юмору. По-прежнему мы помним Суворова в лицо — по портретам, по-прежнему повторяем его афоризмы. Хочется верить, что мы и в будущем не променяем Суворова на вымышленных и, как правило, иноземных героев блокбастеров. Без памяти о Суворове наша армия останется обезглавленной, а общество — одураченным. ◆